

grad de prostie, care ne bântuie societatea, la început de mileniu trei, în ciuda imenselor căi de educare și instruire, care să sporească înțelepciunea oamenilor, determinându-i să gândească cu propria lor minte.

Criza COVID-19 s-a dovedit a fi un bun barometru pentru dezvoltarea inteligenței societății noastre la începutul mileniului al treilea. Concluziile de etapă nu sunt favorabile speciei umane. Totuși îngrijorarea nu trebuie să ne fie prea mare, astfel încât îmi permit să încurajez audiența: „Speranța naște pururi în pieptul omenesc”. Alexander Pope avea dreptate.

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ АГРЕССИИ ПРОТИВ УКРАИНЫ: СНОВА О ЧЕЛОВЕКЕ МАССЫ И БАНАЛЬНОСТИ ЗЛА

Светлана Пустовит, доктор филос. наук, профессор, зав. кафедры
Кафедра философии
Национальный университет здравоохранения Украины
имени П.Л. Шупика, Киев, Украина
pustovit-sv@ukr.net

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN AGGRESSION AGAINST UKRAINE: AGAIN ABOUT THE MASS MAN AND THE BANALITY OF EVIL

The article deals with the issues of philosophical anthropology concerning the political rights and freedoms of the individual, as well as its nature in a totalitarian society. Based on the example of an interview with a Ukrainian journalist with Russian prisoners of war, a conclusion is made about the relevance of further development of the issue of an authoritarian personality, about the independence and responsibility of his thoughts and actions, about freedom of choice and political responsibility.

Если к концу 19 века европейское общество пребывало в уверенности, что культурное развитие является поступательным и восходящим, то в середине 20 века, столкнувшись с ужасами, последовавшими за формированием тоталитарных систем, прежде всего в Германии и СССР, пережив трагический опыт второй мировой войны,

Аушвица, Холокоста и Гулага, это общество начало задумываться не только о международных механизмах и политических мерах недопущения в дальнейшем подобных трагедий, но и философских вопросах поиска новой идентичности европейца, новых смыслах гуманизма в условиях таких вызовов как пропаганда расизма, шовинизма, политические репрессии, военные преступления, террор открытая агрессия тоталитарных систем по отношению к своему народу и «чужим» странам. Ведущие политические философы Европы и Америки констатировали, что в отличие от диктатур и тираний, с тоталитарной формой правления невозможно никакое сосуществование остального просвещенного человечества (Х.Арендт, Х. Ортега-и-Гассет).

Трагические уроки Второй мировой войны стали началом формирования новых акцентов в философской антропологии. От представлений о человеке как существе: биосоциальном, биофизическом и духовном одновременно, эксцентрическом, лишенном равновесия, своего места (родины) и времени (Г.Плеснер); стремящемся к компенсации своей «биологической несостоятельности и ущербности» при помощи социальных институтов (А. Гелен); восходящем, благодаря силеразума и духа, до статуса всечеловека (М. Шелер), чуждого каким либо политическим формам деятельности, – к представлениям о его телесности, уязвимости, незащищенности, подверженности психологическим и физическим травмам – с одной стороны, а с другой - как о существе, безответственном и инфантильном, возлагающем надежды за свой выбор на политические авторитеты, склонном к агрессивному поведению и жестокости по отношению к «чужим», всем тем, кто подвергается «авторитеты» критике (Т. Адорно).

Как отмечает Х. Ортега-и-Гассет в своей работе «Восстание масс» все это произошло не случайно, а было подготовлено предыдущим развитием европейской цивилизации, научно-техническим прогрессом другими причинами [1]. Не только творческая элита профессионалов, создающая духовные и материальные ценности, но каждый средний, заурядный человек, обыватель, получил возможность принимать участие в жизни всего человечества. *Человек массы* почувствовал себя господином и хозяином своей судьбы, а целые цивилизации, политические формы правления которых имели неразвитый характер, были включены в западноевропейский духовный мир. Все это, изменило структуру человека заурядного: он стал похож на при-

митивного человека, «мятежного дикаря», внезапно очутившегося среди цивилизации и отождествляющего могущество этой цивилизации с собственным «могуществом». У нового человека сформировались как ощущение своего совершенства, своего права на вседозволенность, навязывания силой свои желания, идеи, мнения другим, так и нетерпимость и агрессия по отношению к «иноному», другому.

Ситуация человека массы значительно усложняется в условиях тоталитарной формы правления. Очевидно, гражданин той или иной страны оказывается встроенным в повседневные социальные практики тоталитарного общества, погруженным в существующие социальные габитусы и «порядки признания» со стороны своих соплеменников, а его представления о свободе и достоинстве определяются его политической природой и деятельностью (т.е. их отсутствием, неспособностью их реализовать).

Социологические исследования по проблемам формирования и воспроизводства авторитарной (подчиняющейся авторитету) личности, склонной к подчинению тоталитарной власти и влиянию фашистской пропаганды, проведенные Т. Адорно и другими представителями франкфуртской школы в 40-60-х годах 20 столетия, внесли значительный вклад в развитие послевоенной философской и социологической антропологии. В понятие авторитаризма Адорно вкладывал политический монополизм, существование в стране единственной или господствующей партии, отсутствие оппозиции, ограничение или же подавление политических свобод в обществе. Ведущим типом личности в таком обществе является *авторитарная личность* с присущими ей чертами: социальным консерватизмом; потребностью в иерархии и уважением силы; с ригидностью, негибкостью установок; стереотипным стилем мышления; с более или менее стадной враждебностью и агрессивностью (вплоть до садизма); с тревожностью по отношению к другим и невозможностью устанавливать с ними доверительные отношения [2].

В условиях начатой в феврале 2022 года беспрецедентной широкомасштабной агрессии Российской Федерацией против суверенного независимого государства Украины, уже унесшей около 100 тысяч жизней военнослужащих (суммарно с обеих сторон) и гражданского населения Украины, актуальным представляется один из важнейших

вопросов философско-антропологического знания - *современное понимание авторитарной личности*.

Практически все правовые системы предусматривают, что не санкционированное судом и государством убийство одним человеком другого является преступлением (за исключением самообороны). Однако субъект права всегда определяется самой правовой системой. Так, например, в границах Римского права преступлением считалось только убийство римского гражданина, но не убийство ребенка, варвара или раба, ибо они не были субъектами прав. Само понятие субъекта предполагает, что его свободные и ответственные действия не могут необходимым образом определяться чем-то другим, что не есть самим субъектом [3, с.336]. Предположение, что действия субъекта правовых отношений подчиняется чему-то или кому-то равнозначно допущению его неподсудности, недееспособности и неправомочности. Последние превращают такого субъекта в простую вещь, предполагают обращение с ним как с вещью, т.е. насилие по отношению к нему [3, с.338].

В тоталитарных системах создаются особенные условия для разрешения этого противоречия политической антропологии. В частности подмеченного еще Х. Аренд на судебном процессе 20 ст. над бывшим нацистским преступником Эйхманом, когда последний одновременно был готов понести наказание и в то же время не считал себя виновным в совершенных им преступлениях, трактуя их исключительно как «исполнение приказов сверху». Это феномен получил название «радикального и(одновременно)банального зла» [4]. В условиях радикального зла, как кульминации всех тоталитарных систем, происходит самоопределение личности, формирование идентичности, как безусловно ориентированной на авторитет вождя, не способной к саморефлексии и диалогу с другими, лишенной ответственности за свои поступки.

В тоталитарных обществах, когда любые формы политической свободы уже невозможны, радикальное зло подчиняет себе личность, планомерно и последовательно, в нем нет никакой спонтанности и непредсказуемости, как нет в нем субъекта свободы и ответственности [5]. Парадокс радикального зла заключается в том, что, возникая по абсолютно неочевидным причинам, лишь как побочное следствие устройства тоталитарного государства, оно функционирует очень

точно. Основным механизмом становится *обезличивание как жертв, так и самих исполнителей*. Система власти через различные институты уничтожает своих жертв или, если говорить в терминах Х. Арендт, делает людей *лишними*, лишая их права на какую-либо спонтанность, самостоятельности ответственность мыслей и поступков.

Несмотря на продолжающуюся военную агрессию РФ против Украины, бесчисленные военные преступления россиян против ее граждан (начиная с 24 февраля 2022 г.) – массовые убийства гражданского населения в Буче, Макаровском районе Киевской области, Кременчуге, Харькове, Николаеве, Изюме и других населенных пунктах, убийства пленных азовцев в Оленовке, пытки и изнасилования, совершенные в отношении гражданских лиц (в том числе и детей) и украинских военнослужащих, использование запрещенных видов оружия и нарушения всех правил ведения войны, закрепленных в Гаагских и Женевских конвенциях - в украинском обществе уже сейчас формируется *социальный и философский дискурс* о политической и гражданской ответственности военных преступников, о необходимости скорейшего признания их вины международными организациями, созданными для поддержания и укрепления международного мира и безопасности, об адекватности совершенным преступлениям и неотвратимости наказания, трибунала. Среди этих вопросов отдельным пунктом стоит вопрос об ответственности рядовых россиян и российских военнослужащих, оказавшихся на территории Украины в качестве оккупантов, за политические решения, принятые Кремлем и приведшие к геноциду украинского народа и гуманитарной катастрофе в Европе и мире.

В этой связи в качестве эмпирического материала представляет интерес созданный во время войны в Украине блог журналиста Владимира Золкина, состоящий из интервью с пленными российскими военными [6]. Проект имеет как минимум две гуманные цели – обмен украинских военнопленных на российских, возвращение их в Украину, и предотвращение отправки новых добровольцев на войну из России. Блог оказался очень популярным в украинском обществе (и в российском), а отдельные его видео набирали немало просмотров: например, разговор с пленным командиром специального отряда быстрого реагирования посмотрело более 1 млн человек. А беседу с российским военным Чингизом Дамбаевым, который также находится

в плену и рассказал о расстреле гражданских, просмотрели 1,4 млн раз.

Популярность указанного блога вызвана не только желанием украинской общественности узнать последние новости с места ведения боевых действий, но и также желанием понять мотивы и причины участия российских военных в так называемой «специальной операции», незаконной оккупации территории Украины, массовых обстрелах мирного населения, мародерстве и пр. Среди военнопленных оказались не только молодые люди, призванные на срочную службу, и оказавшиеся на территории Украины (часто не по своей воле), но также контрактники-непрофессионалы, бывшие и настоящие военные-профессионалы, представители различных национальностей России (русские, буряты, тувинцы, киргизы и др.) и украинцы, призванные или записавшиеся добровольно в армию, с оккупированных РФ территорий (так называемых ДНР и ЛНР). Несмотря на то, что российские военнопленные на вопросы о степени их участия в боевых действиях в целом давали уклончивые ответы, боясь юридической ответственности, последующей за их признаниями, анализ проведенной журналистом работы позволяет сделать следующие выводы.

Большинство российских военнопленных были представителями регионов, так называемой российской глубинки и происходили из малообеспеченных семей, не имеющих достаточного социального обеспечения, для которых служба в армии представляла возможность расплатиться с кредитами, материально обеспечить свою семью, реализовать себя. Это в большинстве своем люди, зомбированные российскими средствами массовой информации, подвергшиеся воздействию российской пропаганды. Многие из них попали на фронт уже через достаточно большой временной период, когда о войне можно было узнать не только из российских СМИ, но и из других источников, из многочисленных новостных лент, изданий, блогов в интернете.

Однако, несмотря на это, респонденты, как представляется, мало интересовались, что же на самом деле произошло, они не пытались самостоятельно проверить официальную версию о «специальной операции», выяснить подробности, оценить риски. Подключение к интервью родственников военнопленных подтверждает эту версию. Выясняется, что в их семьях либо безоговорочно доверяли пропаганде и верили во все, что говорилось про войну, либо им было безразлично и они

«не интересовались политикой». Во втором случае нельзя исключить, что такой ответ мог быть обусловлен страхом наказания и преследования в РФ за искренние признания, несовпадающие с официальной точкой зрения.

В интервью с журналистом, российские военнопленные, как правило, путались и не могли дать определения терминам, которые использовались ими для объяснения и оправдания их участия в «специальных операциях» - «нацизм», «денацификация», «фашизм» и пр. Профессионалы-военные считали, что у них не было такого выбора - отказаться от участия в военных действиях, а в случае отказа их могли посадить в тюрьму, лишит законных привилегий и заработка. Их рассказы о своем непосредственном участии в военных действиях сводились к описанию элементарных технических действий по жизнеобеспечению: пошел, взял, поспал, увидел, приехал, выполнил приказ.

Российские военнопленные плохо ориентировались и разбিরались в названиях украинских населенных пунктов и городов, в которых они воевали. Как правило, они точно знали названия лишь тех пунктов, где им довелось долго стоять, ожидая боевых действий. Они создавали впечатление людей, плохо информированных даже в военном деле, не разобравшихся в себе людей, не имеющих четкой жизненной позиции, не отдающих себе отчет о соотношении рисков. Риск быть убитым на поле боя оказывался на одной чаше весов с риском отсутствия работы (высокооплачиваемой работы) и невозможностью обеспечения своей семье «достойного уровня проживания», риском несогласия с «предложением контракта», риском быть преданным осуждению со стороны близких, друзей, военного начальства. На вопрос «Зачем вы пришли воевать в Украину?» они не имели продуманной версии ответа, которая бы базировалась на собственных ценностях и идеалах. Часто они отвечали: «Да, наверное, ни за чем». В целом они считали, что их выбор и поступки, если и могли бы изменить их судьбу, будущее их детей и семей, но не смогли бы изменить ситуацию в стране.

Таким образом, сегодня в начале 21 века, как и в середине прошлого века, в центре философской антропологии оказывается человек массы и катастрофа второй, общественной природы человека, подготавливающей наступление реального ада, практического зла. В случае же с тоталитарным государством сумма маленьких банальных

зол разрастается до уровня радикального зла глобальных масштабов.

Сегодня в тоталитарной России царит ситуация, когда большинство отчуждено от политики. Государственная власть не воспринимается как то, что касается индивида. Лицо не считает себя ответственным за него, а только наблюдает, работает, не вмешиваясь в политику и действует или идет на войну в слепом послушании. Граждане РФ «терпят» политическую реальность как нечто чужое, стремятся хитростями использовать ее на собственное благо или живут в слепом пылу самопожертвования. Именно в этом заключается разница между политической свободой и политической диктатурой (К. Ясперс).

Однако, несмотря на то, что отдельный россиянин больше не решает, каким именно должно быть положение вещей в его стране, он также несет политическую ответственность и вину за происходящее и свое участие в нем. Ведь в контексте политической свободы важна не только возможность высказать свои продуманные мнения, сколько способность и смелость открыто сказать то, что волнует и вызывает вопросы у субъектов права, несмотря на то, что они за это могут пострадать. «В этой связи, - указывает российский философ В. Бибихин, - мы сами поймем, или другие поймут, что к чему. Возможно, нам придется дорого заплатить за свою искренность, но мы не должны жалеть о своей откровенности. Оно требует от нас глубокой искренности, конечно рискованной, опасной. Но без такой опасной свободы слова (*parresia*) нет мира. Основная черта мира (*dieWelt*), *the common* сводится к тому..., что каждый внутри пространства общего дела открыт для всех глаз, для всех ушей и всё, что он говорит, доступно любому» [7].

У непосредственного человека, человека, который живет полной жизнью, слово не обязательно следует за соображением, оно иногда предшествует мысли. Он имеет смелость не задумываясь о последствиях своей речи открыто сказать то, что ему представляется правдой. Слово в таком случае равнозначно поступку. В наше время не только способность мыслить, но и способность говорить, открыто излагать свою точку зрения, а также политические условия, позволяющие реализовать мысль как особого рода деятельность, выходят на передний план. Исторический смысл мировых и имеющих национальное измерение событий, защита и гарантии прав человека, гражданские свободы начинают выступать условием сознания и мысли, условием реализации

метафизической составляющей субъекта, его нравственных начал, его чести и достоинства - основой правовой антропологии.

Открытость мира, свобода слова как поступка предполагает такое устройство совместной жизни, когда ведущее место не принадлежит специалистам, выполняющим свои дискретные функции. Новые, невиданные ранее, возможности и реалии виртуального интернет-пространства для его пользователей создают уникальные и для реализации своей субъектностив социальных сетях. Информационные технологии уже сейчас активно влияют на институты общества, в частности и на государственную власть, они используются не только как площадка для ведения информационных войн, но и как возможности для открытости, прозрачности мира, презентации своей гражданской позиции, обсуждения современных подходов к феноменам справедливости и гуманизма.

Проблемам послевоенного устройства, «вины», «политической коллективной ответственности», «очищения» страны-агрессора, его отдельных представителей – еще предстоит войти в дискурс политической, социальной, философской антропологии в Украине. Для одних государств желание утвердить историческую и нравственную справедливость становится камнем преткновения в двусторонних отношениях, для других – открывает возможность примирения и прощения давних обид. Так, известен опыт публичного принесения извинений главами государств за преступления своего народа и его руководства. Однако этим не может ограничиваться решение «проблемы вины». По мнению немецкого философа Карла Ясперса, «проблема вины» требует глубинного нравственного и духовного преодоления, связанного не только с насильственным наказанием за совершенные преступления, но и с внутренним обновлением человека [8].

Библиография

1. Ортега-и-Гассет. Восстание масс. In: https://librebook.me/the_revolt_of_the_masses
2. Адорно Т. Исследование авторитарной личности. Москва: Астрель, Neoklassic, 2012.
3. Малеев К. Проблема визначення свободи. Вступ до правової антропології. Специфіка та визначальніві і мір і сучасного філософсько-антропологічного знання. Киев: Стилос, 2015, с. 336-378.

4. Арндт Х. Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа, 2008; Арндт Х. Источники тоталитаризма. Москва: ЦентКом, 1996.
5. Московская А. Связь между банальным и радикальным злом в этике Ханны Арндт. In:
6. <https://cyberleninka.ru/article/n/svyaz-mezhdu-banalnym-i-radikalnym-zlom-v-etike-hanny-arendt/viewer>
7. Интервью с пленными РФ. <https://www.youtube.com/c/volodymyrzoilkin>; 60 бесед с врагом. Интервью НВ с блогером из проекта Ищи своих, который выкладывает на YouTube разговоры с пленными оккупантами: <https://nv.ua/ukraine/events/plennyye-voennye-rf-v-ukraine-ishchi-svoih-intervyu-s-youtube-blogerom-proekta-zolkinym-50232442.html>
8. Бибихин В. «Vitaactiva» Ханны Арндт. In: http://www.bibikhin.ru/vita_aktiva_hanni_arendt
9. Ясперс К. О виновности. Москва: Прогресс, 1999.

RISCURILE ȘI DEZASTRELE PENTRU SĂNĂTATEA ȘI SUPRAVIEȚUIREA OMENIRII

Ion Mereuță, dr. hab. șt. med., prof. univ., director
Institutul de Fiziologie și Sanocreatologie, Chișinău, R. Moldova
ion.mereuta@usmf.md

HEALTH RISKS AND DISASTERS AND THE SURVIVAL OF HUMANITY

The article takes a philosophical look at the risks and disasters to human health and world survival. Both risks and disasters are described: natural, global, regional, geographical, biological, systemic, nuclear, anthropogenic, geological, cosmic, anthropogenic, existential, and others. It argues for the need to develop universal intellect, noospheric consciousness, awareness of nanotechnologies, artificial intellect, etc.

Pe parcursul apariției istoriei și dezvoltării, omenirea a fost supusă diferitor riscuri și amenințări. Fiecare epocă a dezvoltării sale, civilizațiile au fost apreciate de anumite fenomene atât biologice, cât și social-economice, ce au marcat viața umană. Chiar dacă specificul epocii noastre, a mileniului III este marcat de fenomenele globalizării, europenizării și